

А. Е. Загребин

УРАЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИННО-УГОРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ*

Финно-угорские народы, чей ареал обитания находится на Урале, в Западной Сибири, в Среднем Поволжье, в Прибалтике, на Европейском Севере и в Центральной Европе, являются частью древнего автохтонного населения Евразии.¹

Одним из феноменов идентичности финно-угров является то, что на протяжении длительного времени этносы, разделенные обширными территориями, различающиеся своей хозяйственной деятельностью, образом жизни и религией, осознают себя не только в качестве носителей определенной этничности, но и как представителей более широкой историко-культурной общности.² Думается, что истоки современного финно-угорского мира можно искать как в пределах предметной сферы этнографии, так и в истории науки.

Возникнув как филологическое направление компаративистского характера, финно-угроведение довольно скоро приобрело этнографическую (в широком понимании) сущность. Результаты открытий, отражаясь на страницах научных изданий, учебников и популярной периодики, постепенно формировали чувство финно-угорского родства. Внимание к проблемам традиционной культуры живущих в России родственных финно-угорских народов со стороны финских, венгерских и эстонских этнографов вело к интеграции их научного поиска с исследованиями российских ученых, что создавало дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки.³ Финно-угорская проблематика связала отечественную этнографию с европейским народоведческим процес-

сом, наложив свой отпечаток на ее предметную сферу, полевые практики и личные истории.

Одним из ключевых побудительных моментов для пионеров финно-угорских исследований был поиск прародин, свидетельств общей истории и минувшего «золотого века». Не обнаруживая надежных доказательств родства с иудеями, элинами, латинянами, гуннами, жителями Кавказа, Тибета и Гималаев, активно реконструирующие национальную историю финские и венгерские интеллектуалы, начиная с XVIII в., все чаще обращали свой взор на Восток.⁴ Лингвистические материалы, собранные российскими академическими экспедициями, в свою очередь, недвусмысленно указывали направление возможных поисков — на Урал и Сибирь.

1. Матиас Кастрен и Антал Регули:
«открытие Урала»

Первым дорожку во внутренние области России проложил молодой финский историк, лингвист и этнограф А. И. Шёгрэн, чья экспедиция 1824–1829 гг. от Санкт-Петербурга до Тюмени была поразительна по качеству и объему собранной информации, но выбор, сделанный им в пользу имперской службы, не позволил ему стать героем нации.⁵ Эта роль выпала М. А. Кастрену (1813–1851), еще при жизни ставшему легендой.

В 1830–1840-е гг. накопленные материалы о жизни экзотических народов были «уравновешены» исследованиями, выполненными в духе патриотического родиноведения, а этнография приобрела политическое измерение. М. А. Кастрен и его коллеги не только способствовали становлению финской нации, но и сформулировали идею финно-угорского (уральского) родства, показав, что текст научного доклада, письма или газетного сообщения может быть порой не менее значимым, чем мифологические представления о едином прошлом.⁶

¹ См.: Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest, 1976.

² См.: Manninen I. Die finnisch-ugrische Völker. Leipzig, 1932; Vuorela T. The Finno-Ugric Peoples. Bloomington, 1964.

³ См.: Voigt V. Finno-Ugric Folk Tradition Expressing Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2012. Vol. 57, № 2. P. 398, 399.

Загребин Алексей Егорович — д.и.н. директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (г. Ижевск)
E-mail: zagreb72@izh.com

* Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования»

⁴ См.: Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

⁵ См.: Joh. Andreas Sjögren `s Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861. Bd. 1; Branch M. A. J. Sjögren. Studies of the North. Helsinki, 1973.

⁶ М. А. Кастрен писал: «До последних времен на все финское племя не обращали почти никакого внимания. Не зная древ-

Ранней весной 1845 г. М. А. Кастрен выехал в свою последнюю экспедицию, продолжительность которой оказалась без малого четыре года. В его сознании общность финских народов Восточной России представлялась в виде этнографической непрерывности (причем уже в Казанской губернии происходит встреча волжских и пермских финнов). Континуум подчеркивался автором специальной оговоркой о том, что вотяки (т. е. удмурты) представляют собой своеобразное связующее звено, перекидывающее этнографический мост от Волги до Камы и далее — в земли коми.⁷ Путевые записки отражают присущую Кастрену способность к сравнительному восприятию происходящего, что хорошо заметно в отрывке, в котором описывается его встреча с Уралом. Сравнение Уральского хребта со сказочным персонажем указывает на его значимость для путешественника, трижды, в разных местах, пересекающего его. Три разных локуса представляют три образа Урала, построенных на внутренних противопоставлениях диких и одомашненных животных как символа мира живой природы; хозяйственных зон, в той или иной степени затронутых вмешательством человека; наконец, самих людей, устраивающих жизнь согласно избранному закону.⁸ Здесь можно заметить и древнюю уральскую мифологию: великаны уходят, их время прошло — люди остаются, их время наступило.

Возвращение М. А. Кастрена не разочаровало его единомышленников. Смелость его текстов и публичных выступлений укрепляла фенноманскую идею. Но даже из числа его почитателей далеко не все были готовы поверить в горячо отстаиваемый им тезис о родстве финнов с самодийцами и тем более с монголами. Исследовательский радикализм

них судеб, разбросанные ветви его почитали бесполезными побегам родового древа человечества, которые историк преспокойно обрубал, предавая забвению и гибели. Если в последнее время воззрения на это племя начали изменяться, то этим мы по преимуществу обязаны Петербургской Академии наук. Ученые экспедиции, посылаемые ей для обработки этнографии, статистики и естественной истории России, обнаружили мало по малу связь, существующую между живущими в России народами финского происхождения. И так как оказалось, что ветви финского племени с древнейших времен сосредоточились возле Уральских гор, то и начали обозначать все племя названием Уральского и придавать ему немалое значение во всемирной истории» (Castrén M. A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // Nordische Reise und Forschungen. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 74).

⁷ См.: Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень, 1999. Т. 2. С. 14.

⁸ См.: Castrén M. A. Op. cit. S. 29, 30.

Кастрена воплотился прежде всего в генеральной идее его научного творчества — в попытке доказать существование этногенетического родства финно-угорских (уральских) и тюркомонгольских (алтайских) народов.

Не менее яркой и такой же короткой была жизнь в науке А. Регули (1819–1858) — венгерского этнографа и лингвиста, проложившего дорогу на Урал. Совершая положенное дворянскому сыну, окончившему университетский курс, «благородное путешествие», он побывал в Стокгольме и Гельсингфорсе, где познакомился с учеными людьми, увлекшими его идеей поиска финно-угорского родства и древней прародины. В Санкт-Петербурге его интерес поддерживали академики А. И. Шёгрэн, П. И. Кёппен, К. М. Бэр. Русский меценат князь А. Демидов высказал заинтересованность в организации научной экспедиции на Урал и в Западную Сибирь как части большого научного проекта по изучению неславянских народов империи. О финансовой помощи научному предприятию А. Регули объявил президент Венгерской академии наук граф И. Сечени.

Казань, Пермь, Соликамск стали для А. Регули местом обретения уверенности в правильности выбранного направления. Но искал он прежде всего манси. Перевалив ранней зимой 1843 г. через Уральский хребет, Регули направился в Верхотурье, надеясь найти сведения по истории манси. Весной он поехал в Ирбит, где на знаменитой ярмарке рассчитывал встретить новых информантов, а затем собирался выехать к селениям ханты. В Тобольске состоялась встреча А. Регули с его преподавателем финского языка и до некоторой степени научным конкурентом, М. А. Кастреном. Оттуда каждый последовал далее своим путем.

В середине лета 1844 г. А. Регули на пути к северному Уралу вышел к кочевьям оленеводов-манси. Затем около месяца он провел среди хантов-рыбаков на реках Тапас, Сосьва и Сыгва. В октябре он достиг Обдорска, в окрестностях которого собирал образцы охотничьего фольклора хантов. Затем он едет в тундру, надеясь достигнуть Полярного Урала. Почти не встречая на пути людей, он следует на зимовку в Березово. Находясь в этом безлюдном крае, Регули фиксирует топографический материал для будущей карты, зная, что где-то здесь проходил древний путь, по которому преодолевали Урал идущие в Сибирь охотники, воины и торговцы. Он поднялся к одной из наиболее почитаемых обскими уграми горной святыне,

у подножия которой берет начало река Егра. Там, на перевале, по которому на протяжении столетий двигались финны и угры, романтичный А. Регули ощутил себя в центре «уральского мироздания».

Осенью 1847 г. А. Регули вернулся в Будапешт.⁹ В своих редких академических лекциях он старался не говорить об ожидаемых от него конкретных фактах и уходил от прямого ответа на вопрос «нашел ли он родственников?». Он начал сомневаться и, самое печальное, забывать увиденные им в экспедиции яркие свидетельства финно-угорского родства, жалуясь, что, по-видимому, «неспособен поднять собственного богатства».¹⁰ И тогда венгерские ученые решают помочь своему товарищу, определяя лингвиста и этнографа П. Хунфалви в преемники А. Регули. Лишь кропотливый труд нескольких поколений комментаторов и интерпретаторов позволил сделать его материалы достоянием науки.

Труд жизни М. А. Кастрена и А. Регули, кроме иных очень важных вещей, показал, что этнографическая наука нуждается в постоянном поступлении качественной полевой информации от носителей этнической традиции. Тем не менее, наблюдение различных событий из народной жизни и сбор артефактов превратились в этнографию никак не ранее того времени, когда ученые задумались о теоретической стороне своей деятельности. В области финно-угроведения это было связано с эпохой этнографического эволюционизма.

2. «Пермская экспедиция» У. Т. Сирелиуса

В начале 1907 г. правление Финно-Угорского Общества решило выделить для проведения «пермских этнографических разысканий» денежные средства доценту Александровского университета (г. Гельсингфорс) У. Т. Сирелиусу и стипендиату Общества, студенту Московского университета, коми по происхождению, В. П. Налимову (1879–1939).

Позволю себе внести некоторую ясность в этот, теперь уже историографический, факт. На протяжении всего XIX в. финляндских интеллектуалов, активно включенных в процесс национально-культурного строительства, объединяло стремление

выявить исторические и этнокультурные связи финнов с родственными народами. Экспедиции А. И. Шёгрена, М. А. Кастрена, А. Э. Лённрота и А. Альквиста открыли финнам мир российских финно-угров, изучение которого стало неотъемлемой частью суверенизации национальной гуманитаристики.

В 1883 г. инициативы энтузиастов народоведения нашли формальное закрепление в создании Финно-Угорского Общества, получившего поддержку как в ученой среде, так и в правительственных кругах империи и автономии.¹¹ Средства, выделяемые Обществом на проведение полевых исследований, позволили собрать и обработать немало материалов, ныне составляющих «золотой фонд» финно-угроведения. Что касается пермских народов (коми, коми-пермяков и удмуртов), то они попали в орбиту внимания ученых, работавших под эгидой Общества практически с момента его основания, причем это были главным образом фольклорно-лингвистические изыскания. Собственно этнографические, методически выстроенные поиски среди пермян первым предпринял У. Т. Сирелиус.

Ууно Таави Сирелиус (1872–1929) по праву считается «фактическим основателем финляндской этнографической школы».¹² Отличительной чертой его как ученого была способность к расширению методологического обеспечения исследований. Он во многом разделял идеи венгерского этнографа Я. Янко о многоуровневом характере культуры финно-угорских народов, позволявшей одновременно наблюдать разные этапы хозяйственно-культурного развития — от охотничье-рыболовецких групп обских угров до земледельческих общин карелов, коми, удмуртов, марийцев и мордвы и «модерных», промышленно-ориентированных гражданских обществ венгров, финнов и эстонцев.¹³ Будучи приверженцем теории развития, Сирелиус, тем не менее, оставлял за собой право рассматривать этнографические факты, и особенно артефакты, в рамках определенных географических регионов и хозяйственно-культурных зон. Со временем он выработал свой оригинальный взгляд на предмет этнографии,

⁹ См.: Антал Регули: Календарий. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России: Петербург — Урал — Петербург. Будапешт, 2008.

¹⁰ Karjalainen K. F. Dem andenken Anthon Regulys // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1909. Bd. 8. S. 5.

¹¹ См.: Statuts de la Société Finno-Ougrienne. De linguistique, d'archéologie, d'histoire ancienne et d'ethnographie // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1886. № 1. P. 7, 8.

¹² Шлыгина Н. В. История финской этнологии (1880–1980). М., 1995. С. 51–54; Lehtonen J. U. E. U. T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki, 1972.

¹³ См.: Kodolányi J. (jr.) Finnish Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Budapest, 1985. P. 103.

ставший определяющим фактором при учреждении в 1921 г. в Хельсинкском университете кафедры финно-угорской этнографии.

В отчете по итогам экспедиции У. Т. Сирелиус писал, что в поездке по коми краю он опирался на помощь представителей местной интеллигенции, прежде всего сельского учительства.¹⁴ Впоследствии Сирелиус, поддерживая переписку со своими помощниками, получал необходимые консультации, заочно руководил сбором полевых этнографических материалов. Так, после его отъезда в конце июля 1907 г. в Вятскую губернию, В. П. Налимов собирал сведения по обширному перечню вопросов, составленному финским коллегой. В середине августа В. П. Налимов продолжил самостоятельные полевые работы в районе проживания коми-пермяков, начатые им еще в мае 1907 г. на средства, выделенные Финно-Угорским Обществом.

Результаты исследований В. П. Налимова были замечены российскими учеными — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило ему большую серебряную медаль «во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах».¹⁵

Тем временем, с конца июля 1907 г., У. Т. Сирелиус находился в Сарапульском уезде Вятской губернии, занимаясь полевыми исследованиями среди удмуртов. В качестве места базовой стоянки Сирелиус выбрал село Бураново.¹⁶ Хотя село нельзя было причислить к древнейшим поселениям края, но в нем жил и работал Г. Е. Верещагин — приходский священник и одновременно первый удмуртский этнограф, фольклорист и писатель, хорошо известный финно-угроведам знаток народной жизни.

Месяц, проведенный в удмуртских деревнях, позволил У. Т. Сирелиусу еще более укрепиться во мнении, что, несмотря на исторические, географические и хозяйственно-культурные разрывы, пермские народы сохраняют много общего не только в языко-

вом отношении. Свидетельством тому должна была стать собранная им коллекция предметов материальной культуры коми и удмуртов, насчитывавшая свыше 500 единиц хранения и позволявшая достойно представить пермяк на организованной под его руководством I Финно-угорской выставке, открывшейся в 1923 г. в Национальном музее Финляндии.

Примечательным фактом «пермской экспедиции» был опыт этнографической журналистики. Находясь в поездке, У. Т. Сирелиус готовил обширные публицистические репортажи, публиковавшиеся на страницах популярного столичного еженедельника.¹⁷ Судя по контексту статей, он был несколько разочарован первыми впечатлениями, поскольку не встретил ожидаемой этнографической архаики и столкнулся с рядом трудностей в общении с местным населением. Вероятно, находясь под впечатлением от сибирских путешествий к обско-угорским народам, Сирелиус объяснял недоверие к себе со стороны коми «сильным размытием традиционных устоев». Что касается удмуртов, то его чувства характеризовались некоторой двойственностью: с одной стороны, он был рад наблюдать элементы искомой традиционности, с другой — его напрягало отсутствие столь привычных для представителя молодой нации тенденций, свидетельствующих о движении народной культуры к культуре национальной. Неоспоримо одно: полевые исследования У. Т. Сирелиуса и его коллег стали серьезным стимулом для развития финно-угорской этнографии в России, формируя первое поколение профессиональных исследователей (на)родной культуры.

Одним из результатов «пермской экспедиции» стало закрепление в составе компонентов, необходимых для успеха полевой работы, «института местных помощников». Может показаться, что пионеры финно-угорской этнографии были полностью готовы погрузиться в мир традиционной культуры родственных народов. Но готов ли был этот, часто идеализированный ими, мир адекватно воспринять личность исследователя? Наверняка, этнографам было весьма не просто преодолеть стену мнимого равнодушия, демонстрируемого информантами. В этой связи повышалась роль местных жителей, заинтересованных в изучении родного края и способных помочь ученым в организа-

¹⁴ Sirelius U. T. Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. Vol. 25. S. 15–17.

¹⁵ Этнографическое обозрение. 1908. № 1–2. С. 228.

¹⁶ Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 62.

¹⁷ Sirelius U. T. Matkalta koillis-Venäjäällä I–III // Helsingin Sanomat. 1907. № 170. № 174. № 192.

ции научного предприятия. Дополнительную актуальность вопрос о местных помощниках приобрел во второй половине XIX — начале XX вв., когда финно-угроведы начали переходить от многолетних маршрутных экспедиций к кратко- и среднесрочным экспедициям ареального характера, интенсивно работая среди локальных групп этноса. В этой связи возникла необходимость приспособления к условиям «включенного наблюдения» и поиска «общих факторов». Местные помощники должны были составить то недостающее звено, которое замкнуло бы цепь взаимоотношений между изучающим и изучаемыми. Подлинным спасением для ученых, помимо университетов, научных обществ и музеев, стали учительские семинарии и школы, в которых получали образование представители автохтонных народов. В свою очередь, удовлетворявшие научный интерес ученые стимулировали активность энтузиастов краеведения, подготавливая первое поколение людей со знанием дела изучающих этнокультуру.

Руководство Финно-Угорского Общества предложило открыть курсы для обучения помощников навыкам самостоятельной исследовательской работы.¹⁸ Логика принятого решения была такова: корреспонденту как местному жителю легче получить достоверные и основательные сведения, так как ему как «своему» человеку больше доверяют и могут рассказать то, что никогда не станет известно «чужому». Однако последовавшие вскоре войны и другие социальные потрясения позволили лишь немногим стипендиатам пройти стажировку в Финляндии.¹⁹ Тем не менее, сколько было возможно, трудами В. П. Налимова и его более молодых коллег, уже из раннего советского времени, идея финно-угорской этнографии развивалась в отечественном народоведении.

¹⁸ В журнале московских этнографов отмечалось: «Еще одна интересная идея, касающаяся этнографии, возникла среди финских ученых: устроить курсы по этнографии для учителей-инородцев, которые, получив соответствующие этнографические познания на этих курсах, могли бы работать по этнографии каждый среди своей народности. Так, предполагалось пригласить учителей-пермяков, вотяков, зырян, черемисов и других» (Этнографическое обозрение. 1907. № 4. С. 154).

¹⁹ В 1907 г. вице-президент Финно-Угорского Общества профессор Х. Паасонен предложил организовать специальные курсы для обучения «местных помощников» из числа представителей финно-угорских народов России. Хотя постоянно действующих курсов создать не удалось, на стажировке в Гельсингфорсе побывали марийцы Т. Е. Евсеев, Г. Г. Кармазин и коми В. П. Налимов. См.: Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906–1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1908. Vol. 25. S. 6.

3. Недостроенное здание финно-угорской этнографии

Первые два десятилетия советской власти — период активной научной работы среди российских финно-угров, вместе с другими народами включившихся в эксперимент по ускоренной социально-экономической модернизации «внутренней периферии».²⁰ Финно-угроведение тех лет стало частью исследовательских инициатив, исходящих от краеведческих обществ и центральных учреждений науки, заинтересованных в сборе сведений об этнических традициях и о степени проникновения в них инноваций.²¹ Поскольку ученые часто являлись проводниками политики культурной революции на местах, советское финно-угроведение рассматривалось властью как одно из направлений идеологической пропаганды.

Этнографам, придерживавшимся теории развития, не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов, лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Власти хотели руководить процессом «осовременивания» жизни, и в этих условиях люди науки должны были принять предлагаемые темпы культурных изменений. Финно-угроведы были вынуждены искать баланс между позитивистскими практиками, отражающими мозаичную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов. Опираясь на опыт дооктябрьской этнографии, молодые ученые пытались сохранить, пожалуй, главную отличительную черту «старой школы» — умение сочетать романтическую мотивацию с прагматизмом в достижении релевантного результата. При этом многим из них было не чуждо литературное творчество, ставшее еще одним инструментом в деле построения корпуса национальной истории и культуры.

В первые десятилетия советской власти на территории Урало-Поволжья работали экспедиции Центрального музея народоведения, Института народов Востока, Института истории материальной культуры, возглавляемые Н. Я. Марром, Д. К. Зелениным, Н. М. Маториным, М. Г. Худяковым, М. Т. Маркеловым,

²⁰ См.: Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000; Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000.

²¹ См.: Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР. Л., 1928. Вып. 15. С. 27–76.

В. П. Налимовым и др. Совместными усилиями ученых и местных «просвещенцев» был собран богатый фактический материал, лишь частично введенный в научный оборот в силу наметившейся на рубеже 1920–1930-х гг. тенденции к занижению роли этнографии и начавшихся репрессивных действий по отношению к организаторам науки.²² Смена политического курса, сопровождавшаяся постепенным свертыванием национально ориентированных проектов, вела к минимизации экспедиционной деятельности и к гибели многих исследователей, научное наследие которых было утрачено либо надежно скрыто.

Тем не менее, годы теоретико-методологического плюрализма в отечественной гуманитаристике оставили вполне зримое институциональное наследие. Речь идет прежде всего о создании краеведческих, по сути этнографических, музеев и комплексных научно-исследовательских институтов, призванных содействовать построению новой «социалистической культуры», но чаще занимавшихся изучением и сохранением фольклорно-этнографической традиции. На Урале НИИ данного профиля возникли в ходе автономизации территорий, преимущественно населенных башкирами, коми и удмуртами. Особая роль принадлежала музеям истории края, большая часть которых начиналась еще с земских инициатив и частных собраний.²³ Эта дореволюционная музейная предыстория стала связующим звеном для заинтересованных людей и для долгосрочных проектов, в том числе для финно-угорской этнографии. Но, при всей близости взглядов на музейную композицию финских и русских этнографов, имелась и существенная разница. В первом случае это был динамический принцип, опиравшийся на концепт «один народ — одна культура», правда с множеством локальных вариаций; во втором — богатое по колориту полотно с пробивающимися красками ассимиляционизма.

В советское время краеведческие музеи стали важным компонентом процесса конструи-

рования национальной культуры и идентитета. К. П. Герд (1898–1937) — поэт и этнограф, ставший символом пробуждавшейся «удмуртскости», возглавивший в 1926 г. Ижевский музей истории местного края, — считал музей не просто выставкой старых вещей, а воплощением этничности. Он писал: «Каждый народ в период своего возрождения начинает интересоваться своей историей, своей культурой. Он тогда нетерпеливо и неустанно стремится познать самого себя, осознать себя как одно целое, отличающееся от других окружающих его народностей своеобразным, только ему присущим укладом быта, культуры и обычаев».²⁴ Один из наставников Герда во время его учебы в Москве, профессор В. П. Налимов, замечал, что значимость изучения народной культуры начинала осознаваться представителями молодой национальной интеллигенции, когда из среды вчерашних просвещаемых выходили собственные просветители, для которых этнография была средством, с помощью которого можно было заявить о себе миру.

В эти годы наметилась постепенная трансформация финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение: с теоретико-методологической авансены уходил классический эволюционизм, уступая место географическому детерминизму и ареальному изучению этнических культур. В Финляндии все больший вес приобретали научные подходы, демонстрировавшиеся новой генерацией этнографов, оставшихся верными финно-угорской проблематике, но все больше внимания уделявших собственно финской этнографии. Сходная ситуация складывалась в Венгрии и Эстонии. Сужение финно-угорского научного дискурса было связано с внешнеполитической ситуацией, поскольку Советская Россия, затем СССР находились в весьма натянутых отношениях с правительствами «буржуазной Эстонии», «белофиннов» и «хортистов». Границы были закрыты, возможностей для поездок становилось все меньше, легальная переписка была поставлена под жесткий контроль властей. Попытки отдельных ученых приподнять опускающийся занавес порой удавались, но время финно-угорской этнографии уходило.

В русле новой тенденции в недрах Нижегородского ОГПУ в 1932–1933 гг. родилось так называемое «дело “СОФИН”» (Союз ос-

²² См.: Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х — начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. Тарту, 2011. С. 152.

²³ Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) / И. Л. Жеребцов, А. Е. Загребин, В. Э. Шарпапов, А. Ю. Юрпалов // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. 2012. Вып. 1 (9). С. 78–82.

²⁴ Герд К. П. К вопросу о происхождении вотяков // Тр. науч. о-ва по изучению Вотского края. 1926. Вып. 2. С. 91.

вобождения финских народностей), участники которого якобы планировали отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Вместе с удмуртскими учеными под следствием оказались представители финской, карельской, коми, коми-пермяцкой, марийской и мордовской интеллигенции, а также крупные столичные исследователи, занимавшиеся финно-угроведением.²⁵ Дальнейшие судьбы большинства из них оказались трагичными.

4. Ученый и власть, или (Воз)Рождение этнографического финно-угроведения

Почти тридцать лет финно-угроведение как комплексное научное направление и этнография как часть его находились в забвении. II Мировая война еще сильнее размежевала финно-угорские народы, внося коррективы в исследовательские планы ученых. Наука непосредственно зависела от решения политических вопросов. Попытка собрать в 1947 г. всесоюзную конференцию по финно-угроведению оказалась преждевременной.²⁶ Только после того, как И. В. Сталин подверг критике теорию академика Н. Я. Марра о языке, указав, что классы уходят и приходят, а нации остаются, вновь забрезжила надежда вывести этнографию на уровень легитимной науки.

Плата за легитимацию была оставлена прежней. Впрочем зависимость такого рода была свойственна послевоенной этнологии в целом, тесно связанной в странах Запада с системой колониального управления, а в СССР (и даже в неприсоединившихся странах) —

с «руководящей и направляющей ролью партии». Но этот хрупкий баланс между властью этнографического факта и властью государства обеспечил условия для послевоенного ренессанса этнографии и, что важно для нас, для формирования устойчивого интереса к финно-угорской проблематике. В этот период особенно велика оказалась роль ученых, не побоявшихся напрямую работать с властью.²⁷ Это была игра, построенная на взаимных уступках, «обидах и объятиях». Но именно она обеспечила издание научного журнала «Советское финно-угроведение», функционирование тартуской аспирантуры академика П. Аристе, финно-угорские экспедиции Эстонского национального музея, проведение международных конгрессов финно-угроведов.²⁸ Наибольшим успехом можно считать появление самостоятельных коллективов финно-угроведов на Урале, в Сибири и Поволжье.

В конце XX в. атлантический тренд, возобладавший в европейской этнологии, и кризис советской этнографии способствовали тому, что вектор этнических исследований финно-угорской направленности сместился в область прежней «внутренней периферии». Так совершился закономерный переход финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение. Глобальность информационного пространства, плюрализм мнений и все возрастающая роль связанных с наукой общественных инициатив обеспечили появление новых центров финно-угроведения, например в академических институтах гуманитарного профиля, входящих в Уральское отделение РАН.

Ключевые слова: *финно-угорские народы, этнография, Урал, Финно-Угорское Общество, дело «СОФИН», теоретико-методологические основания, наука, власть, М. А. Кастрен, А. Регули, У. Т. Сирелиус, В. П. Налимов, К. П. Герд, научные центры финно-угроведения*

Alexey E. Zagrebin

Doctor of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk)
E-mail: zagreb72@izh.com

²⁵ См.: Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.

²⁶ Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января–4 февраля 1947 г.: тез. докл. Л., 1947.

²⁷ См.: Zagrebin A. The Scientist and Authority in the History of Finno-Ugric Research in Russia // Journal of Ethnology and Folkloristic. 2007. Vol. 1, № 1. P. 72.

²⁸ См.: Вилкуна К. О положении финно-угорской этнографии (этнологии) в настоящее время // Советское финно-угроведение. 1965. № 2. С. 129–132; Домокош П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae. Yoshkar-Ola, 2005. P. I. С. 93–107.

THE URAL DIMENSION OF THE FINNO-UGRIC ETHNOGRAPHY

The paper gives a review of the history of the Finno-Ugric ethnographic studies in Russia. The author pointed out an important role of the Ural both as the region and as an image in the history of Finno-Ugric ethnography; it was noted that the search for the ancestral home for the Finns and the Hungarians coincided with the growth of interests in the regional studies among the emerging intellectual elite of the Udmurt and the Komi, which influenced the identity and ethnicity awareness of the Ural's peoples. The author also described the evolution of research and gave several examples of the Finno-Ugric ethnographic studies research projects continuity.

Key words: *Finno-Ugric peoples, Ethnography, Ural, the Finno-Ugric Society, the cause «SOFIN», theoretical and methodological grounds, science, authority, M. A. Castrén, A. Reguly, U. T. Sirelius, V. P. Nalimov, K. P. Gerd, scientific centers of Finno-Ugric studies*

REFERENCES

- Ancient Cultures of the Uralian Peoples. Budapest: Corvina Press, 1976, 335 p. (in English).
- Antal Reguly. Budapest: Tinta, 2008, 78 p. (in Russ.).
- Branch M. Helsinki, 1973. (in English).
- Castrén M. A. St.-Petersburg, 1856, Vol. 2, 527 p. (in German).
- Castrén M. A. Tumen: Izdatelstvo Yu. Mandriki, 1999, Vol. 2, 352 p. (in Russ.).
- Domokos P. *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Orationes plenariae* (X International Congress of Finno-Ugric peoples. Plenary speeches). Yoshkar-Ola, 2005, Part I, pp. 93–107. (in Russ.).
- Ethnographicheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 1907, № 4, 168 c. (in Russ.).
- Ethnographicheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 1908, № 1–2, 234 c. (in Russ.).
- Etnicheskaya mobilizatsiya vo vnutrenney periferii: Volgo-Kamskiy region nachala XX v.* (Ethnic mobilization in the inner periphery: Volga-Kama region of the beginning of XX century). Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 2000, 178 p. (in Russ.).
- Gerd K. P. *Trudy nauchnogo obshestva po izucheniyu Votskogo kraja: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Society for the Study of Votyak edge: collected papers). 1926, Issue 2, pp. 91–95. (in Russ.).
- Haidu P. Moscow: Progress, 1985, 429 p. (in Russ.).
- Joh. Andreas Sjögren. St.-Petersburg, 1861, Vol. 1. (in German).
- Kalinin I. K. Moscow: Nauka, 2000, 178 p. (in Russ.).
- Karjalainen K. F. *Finnisch-Ugrische Forschungen* (Finno-Ugric research: collected papers). 1909, Vol. 8, pp. 1–10. (in German).
- Kodolányi J. (jr.). Friends and Relatives: collected papers. Budapest, 1985, pp. 99–116. (in English).
- Kulikov K. I. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 1997, 368 p. (in Russ.).
- Lehtonen J. U. E. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1972, 304 p. (in Finnish).
- Manninen I. Leipzig, 1932. (in German).
- Nauchnaja konferencija po voprosam finno-ugorskoj filologii: sb. nauch. tr.* (Conference on Finno-Ugric philology: collected papers). Leningrad: Leningradskiy un-t, 1947, 102 p. (in Russ.).
- Poppe N. N. *Finno-ugorskiy sbornik: sb. nauch. tr.* (Finno-Ugric collection: collected papers). Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1928, Issue 15, pp. 27–76. (in Russ.).
- Shlygina N. V. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1995, 238 p. (in Russ.).
- Sirelius U. T. Helsingin Sanomat, 1907, № 170, 174, 192. (in Finnish).
- Sirelius U. T. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society), 1908, Vol. 25, pp. 15–17. (in Finnish).

Statuts de la Société Finno-Ougrienne (Articles of Association of the Finno-Ugric Society). *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society). 1886, Vol. 1, pp. 7–8. (in French).

Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus 1906–1907 (Finno-Ugric Society, Annual Report 1906–1907). *Journal de la Société Finno-Ougrienne* (Journal of the Finno-Ugric Society). 1908, Vol. 25, pp. 6–11. (in Finnish).

Vilkuna K. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* (The Soviet Finno-Ugric). 1965, № 2, pp. 129–132. (in Russ.).

Voigt V. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2012, Vol. 57, № 2, pp. 397–407. (in English).

Vuorela T. Bloomington: Hague, 1964, 392 p. (in English).

Zagrebin A. E. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 1999, 185 p. (in Russ.).

Zagrebin A. E. Izhevsk: UIHLL UrO RAN, 2006, 324 p. (in Russ.).

Zagrebin A. E., Kulikov K. I. *Proniknovenie i primenenie diskursa natsionalnogo v Rossii i SSSR v kontse XVIII – pervoy polovine XX vv.: sb. nauch. tr.* (Penetration and the use of national discourse in Russia and the Soviet Union at the end of XVIII – the first half of XX century: collected papers). Tartu: Estonskij nacionalnyi muzej, 2011, pp. 163–176. (in Russ.).

Zagrebin A. *Journal of Ethnology and Folkloristic*. 2007, Vol. 1, № 1, pp. 63–73. (in English).

Zherebtsov I. L., Zagrebin A. E., Sharapov V. E., Yurpalov A. Y. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Komi Science Center, Ural Branch of the RAS: collected papers). Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2012, Issue 1 (9), pp. 78–82. (in Russ.).